

портрет писателя

КАЖДАЯ из повестей Василия Быкова вызывает и вызывает острое читательское внимание, о каждой много говорят и спорят. Единодушно признан психологизм писателя, его стремление глубоко и всесторонне показать характер человека на войне. Но вместе с тем в некоторых повестях замечены надуманные ситуации. Одно бесспорно — то, что он обладает ярким, воистину народным талантом художника.

И хотя Быков пишет, как правило, о войне, то есть о временах вроде бы отгремевших и отпавших, его раздумья о жизни созвучны раздумьям сегодняшних поколений.

Поиск Быкова не был односторонним. Споры и полемика — они шли от сложности и противоречивости осмысления бытия художником. От его видения определенных проблем и нравственных ценностей. От его постижения их, ибо всем, кто внимательно следил за становлением писателя, было ясно, что талант Быкова зреет и мужает, что все глубже и глубже идет его творческая «взашапка». После выхода в свет повестей «Сотников», «Обелиск», «Дожить до рассвета», «Волчья стая» своеобразия таланта писателя обнаружилось с еще большей очевидностью.

В. Быков вступил в литературу в конце 50-х — начале 60-х годов повестями «Журавлиный крик», «Фронтальная страница», «Третья ракета», в основе которых лежал личный военный опыт писателя и в которых он показал войну так, как он сам ее видел, знал и помнил, — с ее трагедиями, жестокостью, кровью и с ее беспримерным героизмом. Сюжетно повествование организовывалось вокруг какого-либо одного, подчас незначительного с точки зрения общей стратегии войны, эпизода, а для всего полотна были характерны реалистическая достоверность изображаемого, яркость и сочность красок.

Шло время, и общая картина войны выделась уже гораздо яснее, чем десять — пятнадцать лет назад. Многие писатели пришли к мысли, что можно писать о войне и с позиций взводного или ротного командира. Можно охватывать и более широкую панораму событий. Не это определяет идейно-художественный успех военной прозы. Главное здесь в том, чтобы «правда факта» не заслоняла от художника большой правды жизни. В этом случае и при локальном охвате событий талантливое перо выявит и правду эпохи, и смысл процессов, определивших движение времени.

В повестях Василия Быкова мы не увидим ни грандиозных танковых сражений, ни решающих операций. В. Быков все свое внимание уделяет внутреннему миру человека на войне, стремясь правдиво и художественно верно показать величие духа советских людей, истоки их беспримерного героизма. Крупный план он отдает всегда солдатам. Рядовым войнам. Тем, кто, как писал Быков в одной из статей, хотя и «не прославился громкими подвигами, но все-таки кровью или жизнью внес свой вклад в дело победы».

Есть у творческого поиска Быкова и другая ясно видимая закономерность: каждая новая повесть его при всей своей самостоятельности, полноте и законченности в то же время в какой-то степени продолжает предыдущие. От повести к повести возвращается он к волнующим его мыслям, развивая их и углубляя, и продвигается таким образом все дальше и дальше в решении центральной для всего его творчества проблемы — проблемы героизма. Таковы повести Быкова последних лет — повести «партизанского» цикла: «Сотников», «Обелиск», «Волчья стая», где талант прозаика рас-

крывается с особенной выразительностью. Здесь в отличие от ранних повестей, где еще отдавалась дань внешнему бытописанию героики, на первое место выступает глубинное исследование внутренних мотивов и побудительных начал героизма, его нравственно-философское осмысление.

Не просто выстоять и победить, но выстоять, победить и остаться в этой жестокой, нечеловечески трудной борьбе ЧЕЛОВЕКОМ, противопоставив фашизму и его посылителям, которых Гитлер «освободил от совести, человечности и даже элементарной житейской морали», не только силу оружия, но и силу убежденности в правоте своего дела, силу коммунистической нравственности — вот главное для героев В. Быкова.

Да, я умру, говорит своему палачу партизан Ляхович из повести «Круглянский мост». «Но умру человеком. А ты будешь жить сном».

Сосредоточивая основное внимание на психологии подвига, исследуя его нравственный аспект, Быков порой недостаточное внимание уделяет раскрытию другого немаловажного «элика» героики — ее ответственности. Этот разрыв, раз-

рывает «Сотников», решивший «поторговаться» с фашистами и слишком поздно осознавший всю гибельность своего первого неверного шага, который привел его в конце концов в лагерь его бывших врагов — полицаяв. Мастерски передано писателем внутреннее состояние Рыбака, когда тот, еще переполненный радостью (гибель откладывалась!), вдруг с ужасом понимает, что ему теперь уже не уйти в лес к партизанам, как он это надеялся сделать, что теперь он для них — предатель. Что ликвидация его товарищей по камере — и его, Рыбака, ликвидация. Не физическая — нравственная.

«От ошеломляющей ясности этого открытия он сбился с ног, испуганно подскочил, пропуская шаг, но снова подал не в ногу».

— Ты что? — пренебрежительным басом бросил сосед.

— Ничего!

— Мабуть, без привычки? Научишься!

Рыбак промолчал, отчетливо понимая, что с побегом покончено, что этой ликвидацией его сиротили надежнее, чем ремешком супонью. И хотя оставшие в живых, но в некотором отношении также ликвидировали. Да, возврата к прежнему теперь уже не было — он побился всерьез, насовсем и самым неумолимым образом. Теперь он всем и повсюду враг. И, видно, самому себе тоже».

шню, беспринципность, душевную черствость, жестокость в других.

Многое изменилось за прошедшие годы в жизни советских людей. Но неизменным осталось чувство долга перед людьми и Родиной, духовное мужество, неприятие любой фальши и память, память о тех, кто не дождался победы.

Поэтому так страстно звучат слова пенсионера Ткачука из повести «Обелиск», спорящего с заврайоном Ксендзовым о поступке учителя Мороза:

«...Что он такое совершил? — удивляется Ксендзов. — Убил ли он хоть одного немца?.. Я сам когда-то занимался этим делом и, знаете, особого продвижения за этим Морозом не вижу».

— Жаль, что не видел! — чужим, резким голосом обрывает Ткачук. — Потому что близорукий, наверно! Душевно близорукий».

Поэтому так ясно слышатся в «Обелиске» — повести во многом этапной для творчества Быкова — голос самого автора, утверждающего дорогую ему мысль о глубинных нравственных, социальных корнях истинной героики.

«Жизнь — это миллионы ситуаций, миллионы характеристик. И миллионы судеб. А вы все хотите втиснуть в две-три расхожие схемы, чтоб попроще!

Сергей ЖУРАВЛЕВ

РЯДОВЫЕ ПОБЕДЫ

рывает «духовного и действенно», в иных произведениях Быкова становится еще более осязаемым, когда вчитываешься в описание внешности персонажей. Герои, сильные духом, близкие автору по своим взглядам, оказываются слабыми физически («очкарик» Ляхович, пожилой комбриг Преображенский, раненый, задыхающийся кашлем, обмороженный Сотников, инвалид Мороз). А их нравственные антиподы — Бритвин, Рыбак, Ксендзов — при всей своей моральной нищете и «душевной близорукости» показаны людьми физически сильными.

Нет, да поймают меня правдиво, — его герой не пассивные созерцатели, погруженные в свой внутренний мир, ибо любя пассивность в то время была равнозначна предательству. Они борются. Но борьба эта часто оказывается отодвинутой на второй план, «за кадр» основного повествования.

Проверяя персонажей на прочность, «на излом», писатель ставит их — это характерно для Быкова — в такие нравственные обстоятельства, при которых наиболее полно раскрывается их характер, подводит героя к последней черте, к последнему рубежу, заставляя сделать самый важный в его жизни выбор — выбор между жизнью и смертью. Умереть с чистой совестью или остаться жить, запятнав себя перед людьми, перед самим собой, — вот дилемма, которую решают и партизан Ляхович (фашисты требуют от него «признать власть великого фюрера»), и бывший комбриг Преображенский («Круглянский мост»), и изуродованный страшными пытками костолома Будилы Сотников («Сотников»), и учитель Мороз, учеников которого пытаются в полицию («Обелиск»). Все они могут сохранить себе жизнь. Для этого им нужно «немного» — отступить от собственных принципов, пойти против собственной совести. Но в том-то и сила быковских героев, что они не признают нравственных компромиссов.

В тупике оказался Рыбак из

Все, что еще несколько минут назад казалось ему таким невозможным и таким страшным — пятая, болтающаяся налегке между посиневшими, тяжело раскачивающимися на ветру трупами Сотникова, Демчихи, Баси и старосты Петра, предназначенная для него и не использованная по назначению веревка, обрубок чурбака, вылетающий из-под ног от удара палача, — представлялось сейчас Рыбаку недостижимым счастьем.

Каждый сам выбирает свою судьбу. Сделал свой выбор и Рыбак, смалодушничавший в отчаянную минуту. Сделал свой выбор Ляхович, Преображенский, Сотников, Мороз, идущие на казнь с глубокой уверенностью в том, что жертва их не напрасна, что их смерть — тоже оружие в борьбе с врагом:

«Как и каждая смерть в борьбе, она должна что-то утверждать, что-то отрицать и по возможности завершить то, что не успела осуществить жизнь. Иначе зачем тогда жизнь? Слишком нелегко дается она человеку, чтобы беззаботно относиться к ее концу».

Сделал свой выбор партизан Левчук, герой последней повести Быкова «Волчья стая», с риском для собственной жизни спасающий от хищной стаи карателей чужого ребенка и в жестокой борьбе с фашистами утверждающий себя в высоком звание Человека.

Уже в ранних повестях Быкова основной, чисто военный конфликт переплетается с конфликтом нравственным.

Но если в этих произведениях нравственные конфликты лежат в общем-то на поверхности, а нравственные антиподы однозначны — подлец, так уж подлец до конца, хороший, так уж очень хороший, — то в повестях последних лет конфликты эти, не теряя своей остроты, все более и более углубляются. Шаг за шагом ведет Быков своих героев через цепь жестоких обстоятельств, постепенно обнажая то главное, что в них заложено, — силу духа, непоколебимость убеждений, нравственную бескомпромиссность в одном, малоду-

И поменьше хлопот. Убил немца или не убил?.. Он сделал больше, чем если бы убил сто. Он жизнь положил на плаху. Сам. Добровольно. Вы понимаете, какой это аргумент? И в чью пользу...»

Да, самопожертвование быковских героев не ведет к прямому «практическому» результату. Но за видимой «беспольностью» жертв нужно уметь разглядеть морально-учительское их значение, результат, отдаленный во времени. Герои Быкова гибнут, но, вдохновленные их подвигом, им на смену придут другие. На смену Ляховичу и Преображенскому — Степка Толкач, Сотникову — мальчишка в старой армейской буденовке, которому он улыбнулся в последнее мгновение своей жизни, Морозу — его ученик Миклашевич и тот избитый парень, что защитил от хулиганов девушку. Неразрывна цепь героизма. Многообразно его проявление.

Небросок подвиг героев Быкова. Как скромный небросок памятник, поставленный в Селье Морозу и его ученикам. Как неяркие осенние цветы у подножия обелиска. Но вечен огонь подвига в памяти народной.